

АРМЯНСКИЙ УЧЕНЫЙ САДОК БАРОНЧ КАК СОБИРАТЕЛЬ УКРАИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

В исторических работах армянских и украинских ученых все чаще упоминается имя замечательного армянского историка Садока Баронча, который всю жизнь провел на Западной Украине и был одним из первых выразителей армяно-украинской дружбы в области исторической науки¹.

Садок Баронч (1814—1892) был не только историком, автором многочисленных исследований, большинство которых сохранило научную ценность по настоящее время. На его работах (всего Баронч напечатал около 30 книг и не менее 70 статей, разбросанных по журналам 50—80-х годов XIX в.) отразился также глубокий интерес к изучению украинского фольклора. На эту сторону творчества Баронча исследователи почти не обращали внимания.

Армянские поселения на Украине (в основном в Крыму, на Правобережной и Западной Украине) существовали на протяжении не менее девяти веков (XI—XIX вв.). Баронч, выходец из бедной армянской семьи, родился 29 апреля 1814 г. в г. Станиславе (сейчас Ивано-Франковск), в котором тоже была богатая историческими традициями армянская колония. Окончил гимназию в Станиславе, учился во Львовском университете, а на двадцать первом году жизни постригся в монахи. Позже неоднократно жаловался на непродуманность этого шага, однако, несмотря на частые конфликты с руководством ордена доминиканцев (в котором он состоял) и длительные преследования и настоящую травлю, которые ему приходилось переносить в монастыре, Баронч не нашел в себе достаточно сил для того, чтобы решительно порвать с монашеством.

Научные исследования, которые проводил Баронч с упорством и настойчивостью, стали для него своеобразной защитой от удушливой монастырской атмосферы. Недаром эпиграфом для своей автобиографии, написанной на склоне лет, он избрал двустишие из украинской народной песни:

Анім їв, анім пив, ані хорошо ходив,
Тільки мої розкошоньки, щом ся наробив².

Еще в юношеские годы, работая учителем народной школы в карпатском городке Отиния, Баронч стал близок простому народу. Вынужденные путешествия по различным уголкам Восточной Галиции, находившейся тогда в пределах Австрийской империи (за «непокорность» монастырские власти часто перебрасывали Баронча из одного монастыря в другой), давали ему возможность хорошо познакомиться с украинскими народными обычаями, бытом крестьян, с фольклором. В 1835—1851 гг. Баронч проживал в Подкамене (сейчас город Львовской области), во Львове, в Жовкве (сейчас город Нестеров Львовской области), в Борках Доминиканских (сейчас село Борки Львовской области), в Тисменице (город Ивано-Франковской области). Постепенно он устанавливал дружественные связи с украинскими историками и филологами — среди его научных корреспондентов встречаются имена М. Гнатевича, М. Коссака, А. Петрушевича,

¹ Более подробно жизнь и историографическое наследие С. Баронча рассматриваются в статье акад. И. П. Крипякевича «Садок Баронч — историк армян бывшей Галиции», сб. «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961, стр. 38—47, а также в работе Я. Р. Дашкевича «Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков», Ереван, 1962, стр. 118—130.

² «Не наелся я, да и не выпивал и хорошо не одевался,
Вся роскошь моя в том, что я наработался».

Автограф автобиографии Баронча хранится в рукописном отделе Львовской научной библиотеки (фонд Оссолинских, I, 3757). В сокращенном виде автобиография была напечатана в журн. «Przegląd Koscielny», т. 15, cz. 1, Poznań, 1893, стр. 69—73.

В. Площанского³. Баронч знакомится с украинской литературой и восторженно отзывается о ней. «Древняя украинская литература,— писал он видному украинскому филологу и историку А. Петрушевичу,— столь прекрасна, как фиалка. Ее красивое расцветание каждый из нас приветствует как предвестие весны»⁴.

Довольно значительное свободомыслие (во время революции 1848 г. в Австрии он был избран председателем Национального совета в Тисменице) облегчало ему непосредственное общение с народными массами. «В течение всей жизни,— писал он в упомянутом выше письме,— я придерживался справедливого пути; как огня остерегался религиозного и политического фанатизма»⁵.

В соответствии с сохранившимися сведениями⁶, приблизительно в 1842 г., во время своего пребывания в Жовке, Баронч начал собирать материал к истории армянских колоний на Украине и в Польше. К тому же времени относятся его первые фольклористические записи — легенд и преданий,— которые он начал публиковать более чем десять лет спустя. Предание «Бедный Ивась», записанное в Жовке, было напечатано С. Барончем во львовском журнале «Dziennik Literacki» («Литературный журнал») в 1854 г.⁷ Это была первая фольклористическая публикация Баронча.

В 1851 г. Баронч снова очутился в монастыре доминиканцев в Подкамене, в котором прожил — не выезжая никуда — более сорока лет, т. е. до самой смерти. Здесь он начал приводить в определенную систему и постепенно печатать собранный во время своих путешествий исторический и фольклористический материал. В результате этого вышел в свет довольно значительный по объему сборник фольклористических записей, озаглавленный «Басни, анекдоты, предания, поговорки и песни на Руси», изданный Барончем за свой собственный счет в Тернополе, в 1866 г.⁸

Отсутствие специальной научной подготовки у составителя, оторванность его от научных центров наложили на сборник (как и на другие работы Баронча) определенный отпечаток «любительства». С другой стороны, примечания в сборнике Баронча (книга издана без предисловия, а составитель изложил ряд своих мыслей в подстрочных примечаниях) доказывают, что он глубоко изучал вопросы, связанные с возникновением и распространением мотивов украинских сказок и басен, с возможностью использования фольклористического материала для исторических исследований и т. п. Еще в 1854 г. Баронч выразил мысль о наличии в украинских сказках мотивов, привнесенных представителями восточных народов, поселявшимися на украинских землях: «Народы, искавшие на этой земле приюта и прибежища, так как их вытеснял кровавый меч или угнетала тяжелая неволя, приносили вместе с собою свои собственные предания, которые переплелись с преданиями нашего народа»⁹. Баронч был знаком с целым рядом сборников украинского фольклора, вышедших в свет 30—50-х годах XIX в. Для определения фольклорных параллелей он использовал в своих «Баснях, анекдотах, преданиях» материалы из сборников В. Залеского «Польские и украинские песни галицкого народа» (1833), Ж. Паули «Песни украинского народа в Галиции» (1839—1840), Л. Г. Семенского «Польские, украинские, литовские предания и легенды» (1845) и его же «Вечерницы — рассказы, характеры, биографии и путешествия» (1854), К. В. Вуйцицкого «Сказания, древние предания и рассказы польского народа и Руси» (1837, 2-е изд., 1851),

³ Их письма С. Барончу (а также письма других украинских ученых) хранятся в рукописном отделе библиотеки Национального института им. Оссолинских во Вроцлаве (II 2756).

⁴ Оригинал письма от 3 марта 1879 г. хранится в рукописном отделе Львовской научной библиотеки (фонд Петрушевича, № 67).

⁵ Там же.

⁶ K. Bartoszewicz, Korespondencja J. I. Kraszewskiego. «Przegląd Literacki», № 3, Kraków, 1898, стр. 4.

⁷ «Dziennik Literacki», Lwów, 1854, № 7, стр. 52—55.

⁸ «Bajki, fraszki, podania, przysłówia i pieśni na Rusi». Tarnopol, 1866.

⁹ S. Baracz, Biedny Jaś. «Dziennik Literacki», № 7, Lwów, 1854, стр. 55.

С. Петрушевича «Поговорки и сентенции украинского народа в Галиции» (1855), А. Марцинковского «Украинский народ» (1857)¹⁰ и др. При составлении своего сборника Баронч ориентировался на эти — различные по своей ценности — работы и усвоил как хорошие, так и плохие их стороны. В негативных сторонах сборника скрывается причина ряда критических замечаний, которые были сделаны по адресу Баронча — правда, уже гораздо позже, с тех позиций, на которых находилась фольклористика в период своего значительного развития в конце XIX века.

Длинное и сложное заглавие сборника в основном точно определяет его содержание. В сборнике чаще всего встречаются прозаические формы фольклора — значительное количество сказок (например, «Кузнец», «Казак», «Ромега», «Сапожник»), несколько басен («Волк»), целый ряд народных новелл и рассказов («Бурда», «Хозяйка», «Музыкант», «Месть»), преданий («Олена»). В сборнике записано много народных анекдотов, факций, побасенок. В приложении напечатаны записи украинских и польских песен, 81 поговорка (Баронч не внес в свой сборник песен и поговорок, в текстологическом отношении сходных с опубликованными ранее В. Залеским, Ж. Паули, А. Марцинковским и С. Петрушевичем), описания некоторых обычаев. Не может не вызвать удивления идейная направленность значительной доли материалов, напечатанных в сборнике. В соответствии с действительными настроениями и стремлениями народа Баронч, несмотря на свой духовный сан, поместил в книге ряд сказок, рассказов и особенно анекдотов, едко высмеивающих панов, ксендзов, попов и раскрывающих подлинное лицо монахов, ростовщиков и других эксплуататоров. Он опубликовал анекдоты, в которых народ высмеивает монахов-бернардинцев, иезуитов («Бернардинцы», «Шутки», «Ад» и др.). В народном рассказе «Гандзяборос» дурак становится священником — и его крайняя ограниченность никак не препятствует этому. Под общим заглавием «Попы» напечатана серия антирелигиозных анекдотов; в новелле «Подарок» описывается подкуп епископа. Баронч без колебаний печатал фольклорный материал, который своим содержанием открыто противоречил основным догмам католической религии («Тронца», «Воскресение»). Симпатии составителя сборника совершенно явно на стороне простого народа. С возмущением сообщает он анекдоты о пане Туркуле, известном своими преследованиями бедных горцев-гуцулов.

Научное использование сборника Баронча наталкивается на ряд препятствий, связанных со своеобразными трудностями обработки материала. Только в некоторых случаях составитель указывает местность, в которой была сделана запись (например, Жовква, Покутье). Косвенным путем, учитывая те местности, в которых проживал Баронч, можно определить, что записывал он украинский фольклор в двух районах Восточной Галиции — на Покутье (Тисменица) и Львовщине (Львов, Жовква, Борки Доминиканские, Подкамень). В оригинальных записях — на украинском языке — даются только песни и поговорки. В записях фольклорной прозы украинский язык сохраняется только в диалогах, именах лиц. Прозаические сочинения даются, таким образом, в основном в записях на польском языке. Хотя даже заглавие сборника («Басни, анекдоты, предания... на Руси»¹¹) не оставляет никаких сомнений насчет того, что в нем собран в первую очередь украинский фольклор, тем не менее ясно и то, что некоторые фольклорные сочинения записаны из уст польского (как Баронч часто определяет — мазурского) населения. Осложняет пользование сборником порядок, в котором дается материал. В сборнике он распределен не по жанрам, а в произвольном порядке, по алфавиту установленных составителем заглавий сказок, рассказов, преданий, легенд, к тому же не всегда удачно. Короткие анекдоты, сходные по тематике, объединены под одним заглавием в одной сводной статье (например, «Нищие», «Шутки», «Шутники», «Ложь»).

¹⁰ Все перечисленные сборники изданы на польском языке.

¹¹ Термин «Русь» Баронч употребляет в историческом значении, отождествляя его с так называемым воеводством Руссии в составе средневековой Польши (в период до третьей четверти XVIII в.), которое охватывало значительную часть западноукраинских земель.

Некоторые рассказы и новеллы носят заметные следы литературной обработки и они, по-видимому, книжного происхождения (например, сатирический рассказ об ограниченности шляхты, озаглавленный «Разговор»).

Уникальность сборника, изданного незначительным тиражом в глухой провинции, явилась причиной того, что в поле зрения фольклористики сборник Баронча попал только через двадцать лет после выхода в свет.

Нашлись, однако, «ценители» совсем другого рода. Когда сборник попал в руки руководства доминиканского ордена, составителю пришлось пережить не одну горькую минуту. «Неземные доминиканцы,— иронизировал Баронч в своей автобиографии,— действительно целой кучей ухватились за меня. Я стал настоящим мучеником.. Какой-то фатум витал надо мной и отравлял мне каждый час в монастыре»¹². После выхода в свет «Басен, анекдотов, преданий» преследования Баронча усилились. Когда он тяжело заболел, монахи объявили, что он сошел с ума. «Я очень хорошо знаю, что значит преследование,— жаловался Баронч Ю. И. Крашевскому.— Тридцать лет состою я в доминиканском ордене, и легко можно себе представить, сколько я претерпел за это время, не получив утешения ни от кого»¹³.

В 1886 г. Барончу удалось подыскать подписчиков и при их денежной помощи выпустить в свет второе издание «Басен, анекдотов, преданий», в которое внесены ряд изменений. Баронч дополнил сборник новыми рассказами, новеллами, сказками. Большинство из них было напечатано им после выхода в свет первого издания «Басен» во львовских журналах—например, в 1870 г. в журналах «Mrówka» («Муравей») и «Dzwonek» («Звонок»). Ценность этих новых материалов невелика—все они носят следы значительной литературной обработки. Составитель перестроил и дополнил новыми анекдотами некоторые сводные статьи (возникла, например, новая статья «Мазуры»), заново отредактировал примечания к книге. Заметно, что на протяжении тех двадцати лет, которые прошли со времени выхода в свет первого издания «Басен, анекдотов, преданий», Баронч почти не делал новых фольклористических записей. С другой стороны, по-видимому под давлением монастырских властей, Баронч был вынужден вычеркнуть из сборника несколько антирелигиозных и фривольных анекдотов, рассказов (например, «Бернардинцы», «Лук», «Христос», «Дождь», «Лакей»). Характерные, с этой точки зрения, изменения внес составитель в легенду о папе Григории, которая в украинском фольклоре явилась отражением мотива о кровосмесителе. В первом издании легенда была напечатана под заглавием «Св. Григорий», во втором—под индифферентным заглавием «Григорий». В связи с тем, что реакционные дворянские круги временами инспирировали гонения армянского ученого за то, что он в своих исторических работах подчеркивал свою общность с армянским народом и выступал против шовинизма, Баронч, для того чтобы избавиться от очередных обвинений в «антипатриотизме», пропустил во втором издании книги анекдоты, отражающие шляхетское своеволие бывшей Речи Посполитой (например, «Горох», «Не спрашивай»).

Первое и второе издания «Басен, анекдотов, преданий» в некоторых отношениях взаимно себя дополняют. Наличие довольно значительных купюр во втором издании вынуждает дать более высокую оценку первому изданию.

Баронч, как историк, скептически относился к возможности использования фольклора в качестве исторического источника. «Не говорю,— писал он,— что каждое устное предание надо просто отбрасывать. Если так делать—мы лишим себя народной поэзии. В истории, однако, необходимо быть очень осмотрительным, ибо, если не всегда можно верить даже написанному, тем более нельзя верить народным преданиям»¹⁴. Несмотря на это, в различных своих монографических исследованиях Баронч всегда обращался к фольклору и приводил народные предания, имеющие отношение к тем или другим местностям Восточной Галиции. В первую очередь следует отметить следующие

¹² «Przegląd Kościelny», t. 15, cz. 1, Poznań, 1893, стр. 70.

¹³ К. Bartoszewicz. Цит. статья, стр. 7.

¹⁴ S. Bałacz, Bajki, fraszki, podania... [wyd. 1], Tarnopol, 1866, стр. 23.

книги историка: «Памятники города Жовквы» (1852, 2-е изд., 1887), «Памятники города Станислава» (1858), «Язловецкие памятники» (1862; Язловец — сейчас Яблоновка Тернопольской области), «Свободный торговый город Броды» (1865; Броды — город Львовской области), «Известие о Пониковице Малой» (1886; Пониковица Малая — село Львовской области), «Гологоры» (1889; город Львовской области), «Залозцы» (1889; город Тернопольской области), «Тартаков» (1890; город Львовской области)¹⁵. В статье «Народные предания» Баронч опубликовал отдельно легенды, относящиеся к Пониковице Малой¹⁶. В своей последней, напечатанной незадолго до смерти, монографии «Чудотворные иконы святейшей богородицы в Польше» он описал довольно много украинских народных обычаев, сообщил песни украинских лириков религиозного содержания. Множество фольклорных мотивов использовал Баронч в своих литературных опытах (рассказах, поэтических сочинениях), которые сами по себе не представляют литературной ценности.

В украинской фольклористике на деятельность С. Баронча, как собирателя украинского фольклора, впервые обратил внимание украинский ученый, историк и публицист либерального направления М. Драгоманов. В январе 1886 г., во время пребывания в Женеве, М. Драгоманов при помощи Ивана Франко получил по абонементу из львовской библиотеки Оссолинских первое издание «Басен, анекдотов, преданий» и сделал много выписок из книги. Драгоманова раздражало неудобное размещение материала. Несмотря на это, в письме И. Франко от 31 января 1886 г. он высоко оценил значение сборника: «Заметно, что перед человеком (т. е. перед С. Барончем.— Я. Д.) был очень ценный материал, для моих исследований — неоценимый; бери да и всю книгу переписывай»¹⁷. Научную оценку сборника Баронча М. Драгоманов дал, между прочим, также в своей статье «Два малороссийских «фабло» и их источники», для которой использовал рассказ, помещенный Барончем в сборнике под заглавием «Попы». Украинский фольклорист считал, что сборник «крайне интересный по содержанию»¹⁸, ценность его, однако, снижена тем, что материал дается не в оригинале, а в переводе на польский язык, часто, по-видимому, в сокращенном виде и без обозначения места записи, фамилии и классовой принадлежности рассказчика. Предание «Олена» из сборника Баронча (из второго издания) Драгоманов перепечатал и проанализировал в своей работе «Шелудивый Буняка в украинских сказаниях»¹⁹. Сборником Баронча пользовались также другие видные украинские фольклористы и этнографы.

Садок Баронч искренно любил устное творчество украинского народа. Глубокое уважение к народному творчеству он сохранил на протяжении всей своей многотрудной жизни.

Я. Р. ДАШКЕВИЧ (Львов)

¹⁵ Все перечисленные книги изданы на польском языке.

¹⁶ S. Barącz, *Podania ludowe*. «Młówa», № 28, Lwów, 1869, стр. 451—452.

¹⁷ Листування І. Франка і М. Драгоманова («Збірник історично-філологічного відділу», № 52), Київ, 1928, стр. 154.

¹⁸ «Вестник Европы», т. 126, М., 1887, т. 4, стр. 326.

¹⁹ «Киевская старина», т. 18, Киев, 1887, стр. 691—694.